

9832-68

А. Н. МАЙКОВЪ,

КАКЪ ПОЭТЪ ПРАВОСЛАВІЯ И РОССІИ.

I.

За что мы любимъ поэтовъ, художниковъ, музыкантовъ?

За то что они постигаютъ тѣ настроенія, которыя даютъ цѣну нашему существованію (потому что жизнь наша дорога намъ только озаряющими ее чувствами), и ихъ выражаютъ. Способами данными имъ отъ Бога и составляющими непроницаемую тайну творчества эти люди запечатлѣваютъ разныя воспріятыя душою ихъ чувства въ своихъ произведеніяхъ—будь то музыкальный отрывокъ, картина или стихотвореніе, и запечатлѣваютъ съ такою силой что эти произведенія вызываютъ всякій разъ въ душѣ нашей то же настроеніе, тѣ чистыя впечатлѣнія высшаго порядка, какими въ минуту творчества была полна душа поэта. И дорогъ намъ поэтъ, вонервыхъ, тѣмъ что онъ вызываетъ ясно въ душѣ нашей чувства, которыя когда-то волновали насъ, но которыя возникли и погасли въ насъ безотчетно; вотორыхъ, тѣмъ что, соприкасаясь съ его произведеніями, мы съ чрезвычайною легкостью отъ пошлости житейской переносимся въ область *возвышеннаго*.

Эта область обширна, и каждый отдѣльный поэтъ выбираетъ изъ нея то, чему всего сильнѣе откликается его душа. Счастье и мученія любви и чувство родины, красота природы

и безотчетная грусть, воинственность и религія одинаково вдохновляютъ поэта, но все эти чувства не равнаго достоинства. Чѣмъ цѣннѣе и возвышеннѣе тѣ чувства, которыя рождаются въ душѣ поэта и которыя онъ сумѣетъ выразить, чѣмъ выше строй его души, тѣмъ онъ намъ дороже. Къ числу избранныхъ поэтовъ, которые въ стихахъ своихъ, отдавъ дань и земному, лучшія силы посвятили инымъ вдохновеніямъ, принадлежитъ А. Н. Майковъ. Его преимущественно изъ всехъ русскихъ поэтовъ можно назвать поэтомъ Православія.

Православіе самое дорогое духовное сокровище Русскаго народа. Какъ живая сила, оно двигало этимъ народомъ, создавало удивительныхъ людей, служило источникомъ самыхъ возвышенныхъ и удивительныхъ величій своимъ чувствъ. И какъ школа воспитанія всего народа, и какъ заветная святыня отдѣльныхъ Русскихъ людей, Православіе имѣло всегда и общегосударственное, и личное для каждаго Русскаго значеніе. Занимая такое исключительное мѣсто въ русской жизни, причина множества примѣчательнѣйшихъ жизненныхъ явленій, православная вѣра, несомнѣнно, какъ все выдающееся въ жизни—должна была найти и откликъ въ русской поэзіи.

Въ области поэзіи лирической

2010515809

должно было излиться одушевленное христианское настроеніе Русскихъ людей, съ ихъ терпѣніемъ въ бѣдствіяхъ, глубокимъ смиреніемъ, снисхожденіемъ къ падшимъ, исканіемъ идеала. Въ области поэзіи описательной—повѣсти о людяхъ, созданныхъ Церковью, или яркое отраженіе внѣшнихъ обрядовъ, являющихся совершенными и поэтичными формами, въ которыхъ излита глубина внутренней вѣры.

И между тѣмъ, у насъ довольно мало стихотвореній, вдохновенныхъ религіей. Почему это такъ? Потому что въ то время, какъ выростала русская поэзія—во второй четверти нашего столѣтія, слишкомъ сильно дѣйствовало иноземное вліяніе на рускіе умы и души. Наше самосознаніе, пробужденное въ послѣдствіи, главнымъ образомъ, дѣятельностью славянофиловъ, тогда еще дремало, и, съ отдаленіемъ отъ душевной жизни народа, забвенію была предана и народная, крѣпкая, простая и полная вѣра.

II.

Много силъ потрачено крупнѣйшими представителями русской поэзіи, Пушкинымъ и Лермонтовымъ, на освобожденіе отъ иноземнаго вліянія, и хотя они побѣдоносно вынесли изъ такой борьбы свою русскую душу, внезапная смерть обоихъ лишила насъ тѣхъ глубокихъ произведеній, вдохновенныхъ Россіей, которые должны были явиться вельдъ за ихъ другими, первыми національными произведеніями. Такъ, незадолго до смерти Пушкинъ говорилъ о томъ, какія великія сокровища поэзіи заключены въ описаніяхъ жизни нашихъ святыхъ, собранныхъ въ давно извѣстную и дорогой Русскому народу книгу *Четьи-Миней*.

У всѣхъ почти поэтовъ послѣ Пушкина и современныхъ ему встречаемъ мы молитвенныя или религіозныя стихотворенія.

Изъ числа этихъ поэтовъ возьмемъ самаго выдающагося, А. Н. Майкова.

А. Н. Майковъ, глубоко проникшись въ тѣмъ, что выработалось долгими вѣками органической жизни Русскаго народа, дорожа всѣми чувствами, передававшимися на протяжении длиннаго ряда лѣтъ и изъ поколѣнія въ поколѣніе—остался, былъ и сознавалъ себя Русскимъ человекомъ; усвоивъ себѣ всю европейскую образованность, онъ не только не отвернулся отъ міросозерцанія родной страны, но съ тѣмъ большею искренностью поклонился ему. Такая дѣлительность душевнаго настроенія и согласное съ нимъ міросозерцаніе и составляетъ драгоценное достоинство Майкова. Это Русскій не по неопредѣленной симпатіи, а Русскій сознательный, слившійся духомъ съ тою древностью, во дни которой выработывались всѣ значущія силы нашей исторіи, и вотъ отчего чѣмъ-то роднымъ вѣетъ отъ лучшихъ стиховъ Майкова. Они схватываютъ сердце такъ же, какъ при возвращеніи изъ чужихъ краевъ первый признакъ родины, и это чувство родины у Майкова такъ глубоко. Въ прекрасномъ разборѣ *Тарантаса* (гр. Соллогуба) Самаринъ говоритъ—какъ образуется, сколь много условій надо для образованія истинно русскаго типа, насколько необходимо для полнаго пониманія и единенія съ родиною бессознательно, съ младенчества, всосать въ себя родныя впечатлѣнія.

Это жизнь и дала Майкову.

Выросши въ деревнѣ, проведя чуткіе годы юности въ Москвѣ, Майковъ и остался истиннымъ Москвичемъ, съ его серіозною вдумчивостью, и искренностью.

Имѣя склонность къ историческимъ знаніямъ, онъ много, много лѣтъ носилъ въ своей душѣ образы величественной борьбы христіанства съ язычествомъ, и эти образы вылились у него въ трагедію „Два міра“ и въ стихотвореніи „Послѣдніе язычники“, являющемся какъ бы послѣсловіемъ трагедіи. Какъ блестятъ горячими красками, какимъ восторгомъ предъ

новою, внесенною въ міръ, христіанскою культурою и жизнью полно описаніе картины, открывшейся старымъ трибунамъ:

Заросъ и треснулъ старый храмъ;
Кумиръ поверженный валялся;
Изъ оконъ храма ихъ очамъ
Константинополь открывался.

Синѣлъ Эвксинъ, блестялъ Босфоръ;
Вздымались куполы цвѣтныя;
Тамъ—на вселенскій шли соборъ
Ерархи, иноки святыя.

Тамъ—колесницы, корабли..
Подъ твердою неба голубою
Сливался благовѣсть вдали
Съ любящей воинской трубою.

Смотрѣли молча старики
На эту роскошь новой славы,
Полны завистливой тоски,
Стыдась примолвить: „мы неправы“.

Въ поэмѣ *Клермонтскій соборъ* выражено проникающее Средніе вѣка настроеніе вѣры, и какъ звучно откликнулись стихи Майкова этому настроенію, съ такою силою завершающіе картину возникновенія крестовыхъ походовъ:

„О, вѣтъ, для васъ еще священной
Любовь и правда на землѣ,
Я вижу ужасъ вдохновенный
На вашемъ доблестномъ челѣ!
Возстань, о воинство Христово,
На мусульманъ войной суровой!
Да съ громомъ рунитесь во прахъ
Созданыя злобы и коварства—
Ихъ тяготящее царство
На христіанскихъ раменахъ!
Разбейте съ чадъ Христа оковы,
Дохнуть имъ дайте жизнью новой;
Они васъ ждутъ, чтобъ васъ обнять,
Край вашихъ ризъ облобызать!
Идите! ангелами мщенья,
Изъ храма огненнымъ мечомъ
Изгнавъ невѣрныхъ локольныхъ,
Отдайте Богу Божій домъ!
Тамъ благодарственные псалмы
Для васъ народы воспоютъ,
А ладнымъ—мучениковъ лалмы
Въидами ангелы слетутъ!“

Умолкъ. Въ отвѣтъ какъ-будто громы
Перекатилися въ горахъ.
То кликъ одинъ во всѣхъ устахъ:
„Идемъ, оставимъ женъ и дома!“
И въ умиленіи святомъ
Вокругъ желѣзные бароны
Въ восторгѣ плакали, какъ жены,
Врагъ лобызался со врагомъ,
И руку жалъ герою герою,
Какъ левъ косматый, алча бою;
На общій подвигъ дамы съ рукъ
Снимали злато и жемчугъ;
Свой грошъ и нищія бросали;
И радость всѣхъ была свѣтла—
Ее литавры возвѣщали,
И въ небесахъ распространяли
Со всѣхъ церквей колокола.

А вотъ явленія уже инаго, хоть тоже высшаго порядка, озаренныя спокойно мерцающимъ загадочнымъ свѣтомъ Среднихъ вѣковъ, умиленные картины, для которыхъ Майковъ сумѣлъ найти такую тихость выраженной (*Изъ Пестрарки*):

Когда она вошла въ небесныя селенья,
Ее со всѣхъ сторонъ соборъ небесныхъ
силъ,
Въ благоговѣніи и тихомъ изумленіи,
Изъ г. убины небесъ слетѣвшися, окру-
жилъ.
— „Кто это?“ шолотомъ другъ друга во-
прошали—
Давно ужъ изъ страны порока и ле-
чали
Не восходило къ намъ, въ сияньѣ чис-
тоты,
Столь строго дѣвственной и свѣтлой
красоты“.
И, тихо радуясь, она въ ихъ сонмъ
вступаетъ,
Но, замедляя шагъ, свой взоръ по вре-
менамъ
Съ заботой вѣжною на землю обра-
щаетъ,
И ждетъ, иду ли я за нею по слѣдамъ...
Я знаю, милая! Я день и ночь на
стражѣ!
Я Господа молю, молю и жду — ког-
да же?

Намъ вскорѣ придется остановить-
ся на стихотвореніи Майкова о рус-
скихъ инокахъ. А вотъ его *Мадон-*

на—преданіе относящееся и къ нашимъ многимъ иконамъ.

Стою предъ образемъ Мадонны,
Его писалъ монахъ святой,
Старинный мастеръ, не ученый,
Видна въ немъ робость, стиль сухой;

Но робость кисти лишь сугубитъ
Величье Дѣвы: такъ Она
Вамъ сострадаетъ, такъ васъ любитъ,
Такою благостью полна,—

Что вѣршишь, какъ гласитъ преданье,
Передъ художникомъ святымъ,
Сама Пречистая въ сіяньѣ
Являлась, зримая лишь имъ.

Измученъ лодвигомъ духовнымъ,
Постомъ суровымъ изнуренъ,
Не разъ на помостъ церковномъ
Быль лоднять шлоками онъ—

И, призывая къ жизни ихъ мольбами,
Еще глаза открытъ боясь,
Онъ братью раздвигалъ руками
И шелъ къ холсту, душой молясь,

Брался за кисть, и въ умиленьѣ
Онъ кистью то изображалъ,
Что отъ небесаго видѣнья
Въ воспоминаньѣ сохранялъ—

И слезы тихія катились
Вдоль блѣдныхъ щокъ,—и, страхъ тая,
Монахи вокругъ него молились,
И плакали—какъ плачу я.

Какою теплою любовью къ одиноч-
нымъ въ мірѣ скитальцамъ полны
слѣдующія строки (*Алтайская дорога*).

На горѣ сіянемъ утра
Деревянный крестъ любить,
И малютка на колѣняхъ
Передъ нимъ въ мольбѣ стоять...

Помолись, душа святая,
И о странныхъ и чужихъ,
О тоскующихъ, далекихъ,
И о добрыхъ, и о злыхъ...

Помолись, душа святая,
И о томъ, чей путь далекъ,
Кто съ душой, любовью полной,
Въ мірѣ всюду одинокъ.

Приближаясь къ стихотвореніямъ
Майкова, посвященнымъ Россіи, остано-
вимся на двухъ краткихъ, но
чрезвычайно содержательныхъ ве-

щахъ. Одна пояснитъ намъ, что по-
могало Русскимъ прошлымъ людямъ
нести тотъ крестъ сложенія государ-
ства, о которомъ съ такою силою
разкажетъ намъ Майковъ.

Не говори, что нѣтъ спасенья,
Что ты въ печаляхъ изнемогъ:
Чѣмъ ночь темнѣй, тѣмъ ярче звѣзды,
Чѣмъ глубже скорбь, тѣмъ ближе Богъ...

Второй *Пустыинникъ* объясняетъ
отреченіе отъ міра ради исканія исти-
ны, столь знакомое древней Руси.

И ангелъ мнѣ сказалъ: иди, оставь ихъ
градъ,
Въ пустыню скройся ты, чтобъ тамъ
огонь лампы,
Тебѣ повѣренный, до срока *убережъ*,
Дабы, когда тщету суетъ они поз-
наютъ,

Возжадутъ Истины и свѣта пожелають,
Имъ было бѣ чѣмъ свои свѣтильники
возжечь.

Не видѣлся ли Майкову въ этомъ
Пустыинникѣ сквозь близкій ему обра-
зъ его предка пустынножителя
Нила Сорскаго—еще другой образъ—
Россіи, которая сумѣла *убережъ* во
всей цѣлости врученную ей истину,
для другихъ, измученныхъ отъ потери
ей, народовъ?

III.

Съ глубокимъ душевнымъ волне-
ніемъ, съ какимъ подходилъ самъ
поэтъ къ изображенію прошлаго
Русскаго народа, перейдемъ теперь и
мы къ тому что думалъ и говорилъ
о Россіи Майковъ. Это глубокое
чувство, которое въ Майковѣ болѣе
чѣмъ въ комъ другомъ вызывалось
именемъ родины, и которое онъ, какъ
истинный поэтъ, сообщаетъ и чита-
телю, его любовно-бережное отно-
шеніе къ Россіи, которую онъ лю-
билъ, надъ которою дрожалъ, состав-
ляеть главное его обаяніе.

Россія, осѣняемая Православіемъ,
народъ, выше всего поставившій
свою вѣру и совершающій свой
путь подъ вдохновеніемъ ея,—вотъ
темы тѣхъ произведеній Майко-

ва которыя сейчасъ будутъ приведены. И, прежде чѣмъ говорить о нихъ, въ поясненіе ихъ представимъ себѣ картину: прославленная чудесами икона, сіяніе лампады на окладѣ, пречистый ликъ съ выраженіемъ милосердія и неземнаго утѣшенія, и предъ нимъ молящаяся толпа, пришедшая сложить сюда всѣ скорби, что уже не вмѣщаетъ душа.

Дорогъ мнѣ, передъ иконой
Въ свѣтлой ризѣ золотой,
Этотъ яркій воскъ, возженный
Чьей невѣдомо рукой...
Знаю я—свѣча пылаетъ,
Клиръ торжественно поетъ:
Чье-то горе утихаетъ,
Кто-то слезы тихо льетъ;
Свѣтлый ангель улованья
Пролетаетъ надъ толлою...
Этихъ свѣчъ знаменованье
Чую трепетной душой:
Это—мѣдный грошъ вдовицы,
Это—лента бѣдняка,
Это—можетъ-быть—убійцы
Покаянная тоска...
Это—свѣтлое мгновенье
Въ дикомъ мракѣ и глуши,
Память слезъ и умиленья
Въ вѣчность глянувшей души..

Смѣните теперь отдѣльные лица въ этой картинѣ Майкова поколѣніями; поставьте на мѣстѣ личныхъ страданій государственныя бѣды, на мѣсто личныхъ печалей — общенародныя испытанія, — и тѣсная часовня раздвинется въ Русскую землю, нѣсколько молящихся лицъ выростутъ въ Русскій народъ, а настроеніе то же.

Въ русской исторіи Майковъ преимущественно видѣлъ Москву. Онъ не могъ представить себѣ русской народности иначе какъ подъ осенніемъ Москвы, и идеи, которыми онъ жилъ, были идеи выработанныя Москвой.

Въ противоположность графу А. Толстому, обнаружившему безнадежное непониманіе Москвы и ея дѣла, Майковъ во всей русской исторіи видѣлъ, главнымъ образомъ, Москву, какъ исходную точку, и, вмѣстѣ съ тѣмъ,

итоги Россіи. Вотъ съ какимъ чувствомъ смотрѣлъ онъ на нее:

Вхожу ли въ старыи Кремль, откуда
взглядъ привольно
Покоится на всеи Москвѣ первопрестольной,
Въ соборы ль древніе съ гробницами
Царей,
Первосвятителей; когда кругомъ читаю
На дскахъ ихъ имена, и возлѣ ихъ
внимаю
Молитвы шепоту притекшихъ къ нимъ
людей,—
А тамъ иконостасъ, и пресвятые лики,
И мѣсто царское, и патриаршіи тронъ,
А между тѣмъ гудитъ, гудитъ Иванъ
Великій—

Какъ бы изъ глубины вѣковъ идущіи
звонъ,—
Благоговѣніемъ душа моя объята;
И все мнѣ говорить: „сіе есть мѣсто
„свято!
„Смотри: когда кругомъ лишь боръ гу-
стой шумѣлъ,
„А на горѣ сіялъ лишь храмъ святаго
Спаса
„Да княжіи теремокъ, гдѣ бѣдныи
князь сидѣлъ,—

„Бесѣда вѣчная таинственно велася
„Здѣсь межъ святителемъ и княземъ.
Здѣсь его
„Какъ древній Самуилъ благословилъ
владыка

„На собраніе народа своего...
„Святителя завѣтъ исполнился великой!
„Помалу собралась вкругъ бѣлаго
Кремля,
„Какъ подъ надежный щитъ, вся рус-
ская земля,
„И каждый градъ ея свою здѣсь цер-
ковь ставилъ,
„И высылася Москва!“

Какіе же образы дала поэту Москва?

.... образы князей бойцовъ лихихъ;
Князей, ходатаевъ за Русь у грозныхъ
хановъ,—
Тамъ умирающихъ въ лугу среди бу-
рановъ...
Явились образы подвижниковъ святыхъ,
Строителей въ лѣсныхъ пустыняхъ об-
щезитя,

И образъ земскаго великаго царя,
 Предъ коимъ всѣ равны съ вельможи
 до леаря,
 И къ коему отъ всѣхъ доступны чело-
 битя;
 И образъ цѣлаго народа, что *пропелъ*
Сквозь вѣлическихъ невзгодъ имъ создан-
ное царство,
И всталъ, всталъ жертвовалъ во имя го-
сударства,
Жива бо Церковь въ немъ, а въ ней Гос-
подь Христосъ...

И, найдя здѣсь,—

„Русской крѣлости незримые столбы
 „И царства Русскаго основы вѣковыя,—

Майковъ громко выразилъ свое тя-
 готѣніе къ Москвѣ, сказавъ что его
 душа полна Москвой и Кремлемъ, и
 написалъ такой завѣтъ:

Мы—Москвичи! что дѣлать, милый другъ!
 Кинь насъ судьба на стверзь или на
 югъ,—

У насъ вездѣ со всею своею славой,
 Въ душѣ—Москва и Кремль золото-
 главый:

Въ насъ *заповѣдь великая жива,*
И вѣра въ насъ досель не извелась,
На коихъ древле создалась Москва,
И чрезъ насъ—Россія создалася.

Тамъ у гробовъ ерарховъ и царей,
Намъ тишиишаз великія ей цѣли,
 Она видѣнъ, и ты поймешь яснѣй
 Куда идти,—и какъ мы шли досель,
 И отчего, *во дни народныхъ бѣдъ,*
И вѣпшиихъ бурь, и всякаго шатанья,
Для всей Руси, какъ пѣдовскій завѣтъ,
Родной Москвы звучало утѣшанье.
 Храни жь его, *отцовъ завѣтъ святой,*
 Какъ Ермогенъ въ цѣняхъ, въ тюрь-
 мѣ сырой,—

И въ жизни путь всегда увидишь правый,
 И посрамишь всякъ умисель лихоу,
 Всякъ пражіи ковь и всякъ соблазвъ
 лукавыи.

Попробуемъ свести въ одно эти
 мысли Майкова о Москвѣ.

IV.

Ничтожный удѣлъ подневольной,
 униженной и разоренной страны, по-
 лучивъ обѣтованіе о великой своей

судьбѣ, Москва, согласно въ лицѣ ея
 вождей и ея народа, увѣровала въ
 отчужденную ей Богомъ судьбу. Въ
 кровавыхъ усиліяхъ, въ невыразимо-
 тяжкихъ испытаніяхъ, ни народъ, ни
 князья ни разу не усомнились ни
 въ великомъ назначеніи Москвы, ни
 въ особомъ осѣненіи Божіей власти,
 чудесно ведущей ее къ цѣли. Эта
 вѣра въ Москву освѣщала мракъ
 русской исторіи и давала силу бор-
 цамъ трудиться, не видя еще удов-
 летворенія, созидая для далекаго бу-
 дущаго. Одни за другими долгія по-
 колѣнія вытерпывали государствен-
 ную страду, единодушныя въ своей
 цѣли—*возвеличенія земли царства въ*
небесныхъ цѣляхъ. Храни въ себѣ
 тайну своего призванія,—когда при-
 детъ время сказать міру и съ силой
 провести въ жизнь забытое міромъ—
 слово святой евангельской правды—
 Москва неустанно, неуспыно и су-
 рово совершала свое дѣло, требуя
 великихъ жертвъ отъ народа и за то
 вѣда этотъ народъ изъ славы въ
 славу и не отступая предъ личною
 гибелью въ борьбѣ за его счастье.
 Это земное дѣло совершалось съ ду-
 мой о вѣчномъ, съ помощью того
 Неба, во имя котораго жила и рости-
 ла Москва Русское царство.

Вотъ эту вѣру и нравственную
 силу, самосознающей себя и таин-
 ственныя цѣли свои, Москвы, этотъ
 святой и торжественный путь Мос-
 квы, отличный отъ всѣхъ раньше
 бывшихъ историческихъ путей въ
 другихъ народахъ, и понималъ Май-
 ковъ, и преклонился предъ этимъ.
 Символь Христовой Россіи съ со-
 здавшимъ ее Православіемъ, источ-
 никъ всего что есть у страны свѣт-
 лаго и что будетъ великаго, вдохно-
 вительница и уставщица земли, на-
 родная совѣть; вотъ что видѣлось
 Майкову въ Москвѣ. И любилъ онъ
 ее умомъ и сердцемъ, съ пламенемъ
 и страстью.

Отыскивая въ прошломъ Россіи
 только-что описанныя духовныя чер-
 ты, проникая въ душевную жизнь
 того грознаго времени, когда выра-
 батывалась стойкость и опредѣлялось

направленіе Русскаго народа, Майковъ создалъ двѣ захватывающія картины: картины подвиговъ и страданій двухъ силъ, шедшихъ рука объ руку въ государственномъ дѣлѣ: князя народа, вождя и земли.

Въ Городцѣ въ 1263 г.

(Кончина В. К. Александра Ярославича Невскаго.)

Ночь на дворѣ и морозъ.

Мѣсяць—два радужныхъ свѣтлыхъ вѣнца въ кругъ него...

По небу словно идетъ торжество;
Въ кельѣ жь игуменской зрѣлище скорби и слезъ...

Тихо лампада предъ образомъ Слеса горитъ;

Тихо игумень предъ нимъ на молитвѣ стоитъ;

Тихо бояре стоятъ по угламъ;

Тихъ и недвижимъ лежитъ, головою къ образамъ,

Князь Александръ, черной схимой покрытъ...

Страшнаго часа всѣ ждуть; нѣтъ надежды, ужь нѣтъ!

Слышится въ кельѣ порой лишь болящаго бредъ.

Тихо лампада предъ образомъ Слеса горитъ...

Князь неподвижно во тьму, въ безпредѣльность глядитъ...

Солъ ли проходитъ предъ нимъ, или видѣній таинственныхъ цѣль—

Видитъ онъ — стель, безпредѣльная, бурая стель...

Войлокъ разосланъ на выжженной солнцемъ землѣ.

Видитъ: отецъ! смертный потъ на челѣ,

Весь изможденъ онъ, и блѣденъ и слабъ...

Шель изъ орды онъ, какъ данникъ, какъ рабъ..

Въ сердцѣ, зная, силъ не хватило обиду стерпѣть...

И простоналъ Александръ: „такъ и мнѣ умереть“...

Тихо лампада предъ образомъ Слеса горитъ...

Князь неподвижно во тьму, въ безпредѣльность глядитъ...

Видитъ шатеръ дорогой, златотканый шатеръ...

Тронъ золотой на лурлурный поставленъ коверъ...

Ханъ возсѣдаетъ средь тысячи мурзъ и князей...

Князь Михаилъ * передъ ставкой стоитъ у дверей.

Подняты колья надъ княжеской свѣтлой главой...

Молятъ бояре горячей мольбой.

„Не поклонюсь истуканамъ во вѣкъ“, онъ твердитъ...

Мигъ—и поверженъ во прахъ онъ лежитъ...

Топчутъ ногами и кольями колютъ его...

Ханъ изумленный глядитъ изъ шатра своего...

Князь отвернулся со стономъ и, очи закрывъ,—

„Я жь,—говоритъ, поклонился болва нам, чрезъ огонь я прошелъ,

„Жизнь я святому вѣнцу предпочелъ“...

„Но — на Спасителя взоръ устремивъ: „Боже! Ты знаешь—не ради себя:

Многострадальный народъ свой лишь лаче души возлюбя!“

Слышать бояре и шепчутъ, крестясь:

„Грѣхъ твой, кормилецъ, на насъ!“

Тихо лампада предъ образомъ Слеса горитъ...

Князь неподвижно во тьму, въ безпредѣльность глядитъ...

Кого оставитъ спокойнымъ поразительная, проникновенная картина, вмѣстившая въ себѣ, кажется, всю скорбь пережитую за много вѣковъ строителями Русской земли, и дающая такіе сіяющіе свѣтомъ отрадные образы этихъ добрыхъ за нее страдальцевъ.

Еще болѣе потрясающую картину горя и страды, уже общенародныхъ, въ тѣ же вѣка, рисуешь Майковъ въ стихотвореніи „Упраздненный монастырь“. Здѣсь же дана лучшая въ

* Черниговскій.

русской литературѣ картина русскаго средневѣковаго монастыря, оза-ренная глубокимъ пониманіемъ того что сдѣлалъ монастырь для русскаго общества.

Я живо вижу, какъ сюда
Пришелъ спастись мужъ святой,
Въ тѣ времена еще, когда
Кругомъ шумѣлъ здѣсь боръ густой.

И вѣковымъ объята сномъ,
Вся эта дикая страна
Казалась людямъ—волшебствомъ
И чародѣйствами полна...

И келью самъ въ горѣ извѣкъ,
И жилъ пустыннымъ житіемъ
Въ той кельѣ Божію человѣкъ,
На козми бѣса глухъ и нѣмъ.

И что свѣча въ ночи горитъ,
Онъ въ этомъ мракѣ просіялъ,
Училъ народъ, устроилъ скитъ,
И утѣшалъ, и просвѣщаль...

И вотъ—вкругъ валяется лѣса!
И монастырь здѣсь возстаетъ...
Надъ гробомъ старца чудеса
Пошли твориться... и растеть

За храмомъ храмъ, встаетъ стѣна,
Встаетъ гостиницъ длинный рядъ;
И въ погребѣ течетъ казна,
И всюду трудъ, и всюду ладъ!

Идутъ обозы вдоль горы;
Хлопочетъ келарь, казначей...
Варятъ меды, творятъ лиры,
Всечасно братья ждутъ гостей..

А эти гости—то князья,
Въ орду идущіе съ казной...
То ихъ княгини, ихъ семья,
Въ разлукѣ плачущія злой..

И черный людъ, безвѣстный людъ,
Со всей Руси идетъ, бредеть...
Въ грѣхахъ всѣ каются идуть—
Да страшный гнѣвъ свой Богъ уйметъ...

Идутъ—съ пожарищъ, съ поля битвъ,
Ища исхода хоть слезамъ—
Подъ чтенье сладостныхъ молитвъ,
Подъ лѣные ангельское тамъ...

И въ темныхъ маленькихъ церквахъ
Душистый воскъ горитъ, какъ жаръ,
Предъ образами въ жемчугахъ—
Съ сердце скорбящихъ чистый даръ...

И, чуть звонятъ, народъ—во храмъ,
Волитъ, какъ жаждущій въ степи:
„Когда жь, Господь, конецъ бѣдамъ!“
И клиръ въ отвѣтъ ему: „терпи!“

Терли!—и вытерлиѣла ты,
Святая Русь, что посылала
Тебѣ Господь—всѣ тяготы
Насильствъ, и казней, и оласть...

Тяжелый млатъ коваль тебя
Въ одинъ народъ, коваль вѣка—
Но вѣришь ты что Богъ любя
Тебя караль,—и тѣмъ крѣпка!

Въ этомъ удивительномъ стихотво-
реніи древняя Русь отлита какъ изъ
мѣди въ очертаніяхъ могучихъ и
вмѣстѣ нѣжныхъ, вызывая одновре-
менно и чувство гордости, и тихія
слезы.

И вотъ теперь, когда дѣло сложе-
нія государства завершено, какіе
„Завѣты старины“—чудится Майко-
ву—посылаетъ древняя Русь совре-
менной Россіи?

Труденъ въ мірѣ, Русь родная,
Быль твой путь; но дни прошли—
И, въ свой новыи вѣкъ вступаая,
Ты у Господа моли,

Чтобъ въ сынахъ твоихъ свободныхъ
Коренилось и росло
То что въ годы бѣдъ народныхъ,
Осынивъ тебя, сласло,

Чтобы ты была готова,—
Сердце чисто, духъ великъ,—
Стать на Судище Христово
Всѣмъ народомъ каждый мигъ

Чтобъ въ вождяхъ своихъ сіяя
Силь духовныхъ полнотою,
Боготосица святая,
Миръ вела ты за собой

Въ свѣтъ,—къ свободѣ безконечной
Изъ-подъ рабства суеты,—
На *исканіе правды вѣчной*
И душевной красоты...

На этомъ созданномъ Майковымъ
образѣ Россіи, ведущей другіе народы
къ вѣчной правдѣ, закончимъ обзоръ-
ніе его, вдохновленныхъ родиною,
стихотвореній

V.

Немногочисленные приведенные здесь стихотворения. А, между тем, едвали кто из поэтов сказал большее и лучшее о чувствах и настроениях двигавших Русским народом.

Предъ вами встаютъ изъ гробовъ скорбные князья-труженики, борцы-святители, звучатъ грозныя битвы, несутся тревожные набаты, пыластъ зарево пожаровъ, стонетъ тяжелымъ стономъ Русская земля. Но надъ всемъ этимъ моремъ бѣдствія и горя стоитъ животворный государственнй трудъ народа. И темъ духомъ, которымъ дышала вся эта прошлая, бѣдствовавшая, но могучая своимъ чувствомъ Русь, вѣетъ на васъ, и тайная сила поэта доводитъ васъ до того что, вывѣстъ съ нимъ, смущенною и радостною душой вы преклоняетесь предъ прошлымъ Россіи.

Какъ живописецъ историческихъ чувствъ Русскаго народа, Майковъ не имѣетъ равнаго. Никто не высказалъ столь глубокихъ мыслей о Русскомъ народѣ, не далъ столь широкихъ, при всей краткости своей, картинъ, въ которыхъ какъ въ свѣтовомъ фокусѣ сосредоточены вся суть, всѣ итоги исторіи Русскаго народа, отраженъ его духовный бытъ, его нравственныя стремленія и общественно-религіозный идеалъ. Ни одинъ поэтъ не входилъ такъ свободно во святая-святыхъ Русской земли.

Онъ въ нѣсколькихъ стихотвореніяхъ обрисовалъ Русскій народъ самыми типичными, вѣрными сторонами, общими итогами всей его жизни. Открылась его художественному проникновенному взгляду вся высокая правда Русскаго народа и созданные этою правдою образы, —

И эти образы вмѣстивъ въ душѣ все-
цѣло,
Онъ словно отливъ ихъ изъ мѣди въ
рѣчи смѣлой.

Майковъ—великій художественный лѣтописецъ Русскаго народа, не

столько въ дѣлахъ этого народа, сколько въ его думахъ, чувствахъ и настроеніяхъ.

Да, для этого поэта Россія была святынею души, которой онъ поклонялся, и въ которую безгранично вѣровалъ; была горячая безавѣтная страсть, которая наполняла его жизнь, давая ей смыслъ, руководя его дѣятельностью. И Богъ послалъ ему въ концѣ поприща великое утѣшеніе.

Тѣ любовныя думы, которыя онъ посвятилъ Россіи и ея духу, оказались не безбрежными, беспочвенными мечтаніями. Онъ увидѣлъ возрожденіе и дождался Царя, который возгласилъ Руси ея стародавнне завѣты, который постигъ что только тотъ путь которымъ Москва изъ малаго удѣла раздвинулась въ Русское царство—онъ одинъ есть путь вѣрный и крѣпкій.

Древній старикъ, Майковъ былъ свидѣтелемъ до конца великаго историческаго дѣла Александра III и, провожая во гробъ умершаго во цвѣтѣ лѣтъ Государя, спѣлъ надъ его гробомъ вѣщую пѣсню. И эта пѣсня для самого Майкова была радостнымъ *Нимъ отпущаеши раба Твоего!* Не грусть о надеждахъ, которыя уносили съ собою ушедшій, звучала въ той пѣсни, а побѣдный и благодарственный гимнъ за то что было имъ сдѣлано.

Въ томъ Царская Его заслуга предъ
Россіей,

Что, Царь, онъ вѣрилъ самъ въ устои
вѣковые,

На коихъ зиждется Россійская земля,
Ихъ громко высказалъ, и какъ съ вы-
сотъ Кремля

Ивановъ колоколъ ударить, и въ мгно-
венье

Всѣ сорокъ-сороковъ въ Христово вос-
кресенье

О свѣтломъ праздникѣ по Руси возвѣ-
стятъ:

Такъ слово Царское, летя изъ града
въ градъ,

Откликнулось вездѣ народныхъ силъ
подъемомъ.

И какъ живительнымъ весеннимъ пер-
вымъ громомъ
Вдругъ къ жизни призваны очнуться
долю и лѣсъ—
Воскрела духомъ Русь, сомнѣній мракъ
исчезъ,
И то что было въ ней лишь чувствомъ
и преданьемъ,
Какъ кованной броней закрѣлено—
сознаемъ.

И Майковъ былъ увѣренъ что
русское дѣло, въ лицѣ такого борца
какъ Александръ III, одолѣло на-
всегда, и что на вѣки въ Россіи вос-
крешена Русь. И самъ, сковавъ для
русскаго міросозерцанія кованную

броню, Майковъ поднялъ знамя, на
которомъ было написано имя Царя,
положившаго свою душу за свой на-
родъ, но успѣвшаго спасти его. Вы-
соко поднялъ онъ это знамя, подъ
которымъ должны сплотиться все
вѣрующіе въ Русскую землю, какъ
вѣровалъ въ нее этотъ Царь и по-
нявшій Царя его поэтъ.

Затѣмъ наступилъ конецъ. Пас-
хальная всероссійская заутреня въ
Кремлѣ была отпѣта. Иванъ Великій
прогудѣлъ Руси воскресеніе. Откры-
лась новая жизнь для выросставшаго
молодаго племени Россіи. Подвигъ
старыхъ борцовъ былъ завершеиъ.
И Майковъ тихо ушелъ.

Е. ПОСЕЛЯНИНЪ.

